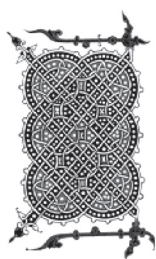

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ОЧЕРКИ

© 2022 Г. П. Дурасов
Москва, Россия

«ЛЮБЛЮ ВСЕ РУССКОЕ!..»: СОБИРАТЕЛЬНИЦА СЕВЕРНОРУССКОГО ФОЛЬКЛОРА МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА ХВАЛЫНСКАЯ

Аннотация. Очерк посвящен памяти М. В. Хвалынской – собирательнице севернорусского фольклора, с которой автора связывали долгие годы творческого общения. В текст включена биография народной собирательницы частушек, описан ее творческий путь, разобрана ее исследовательская лаборатория, мотивация ее действий, приведены примеры фольклорного материала, которые показали автору очерка важными и демонстративными. Также отмечается такая важная характеристика исследовательницы М. В. Хвалынской, как ее любовь к своему народу, русской народной культуре, народной фольклорной традиции; бережное и сознательное отношение к тому делу, которое она осуществляла не профессионально, но со всей тщательностью, настойчивостью и вниманием в течение длительного времени.

Ключевые слова: севернорусский фольклор, частушка, народная собирательница, М. В. Хвалынская, русская народная культура, традиция.

Дурасов Геннадий Петрович (Durasov Gennadij Petrovich) – историк, специалист по русской народной культуре, директор Народного музея схимонахини Макарии (Артемьевой) в с. Темкино Смоленской обл., ovm1965@list.ru

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2022. № 28. С. 81–99

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X|| <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК – 394.91; ББК – 63.3 (2) 46; 64-36; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2022-28/81-99>

С Марией Васильевной меня познакомила зимой 1974 г. директор Каргопольского краеведческого музея Августа Николаевна Хромулина. Помню, как мы подошли к двухэтажному, сложенному из бруса дому. Мария Васильевна жила на первом этаже. В ее окнах сиротливо горела лампочка. Августа Николаевна провела меня по темному коридору, постучала в дверь и, услышав в ответ голос хозяйки, стала как-то боком буквально протискиваться в ее комнату, а я так же – следом за ней.

Комната была, как мне показалось, весьма неудобной – метра три в ширину и метров шесть в длину, с двумя окнами в ряд. Сразу возле двери – печь голландка почему-то без варочной плиты. В печи потрескивали дрова. Рядом стоял столик с электроплиткой, на котором хозяйка готовила похлебку. Вдоль окон – раздвинутый стол да два стула. В дальнем углу – кровать. А под потолком одиноко висела ввернутая в патрон подслеповатая лампочка.

А все остальное пространство комнаты было заставлено. У стены стоял простой фанерный шкаф, рядом сундук и всюду фанерные и картонные ящики. На столе лежала россыпь школьных тетрадей и связка книг. И еще бросились в глаза старая стеклянная чернильница, накрытая колпачком, и лежащая рядом перьевая ручка. Такой ручкой пользовались давным-давно учителя, проверяя тетради учеников. На первый взгляд, комната Хвалынской походила больше на складское помещение, нежели на жилую площадь. А может, даже на запасник провинциального музея.

Хозяйке было за восемьдесят. Она в валенках, в зимнем пальто и повязана толстым платком. Я почему-то сразу подумал, что Мария Васильевна большую часть дня не снимает с себя верхней одежды, в ней ей тепло и уютно. Да и пол, между прочим, был студёный.

Она засуетилась, приглашая нас присесть на стулья. Ей как-то неловко было, что гостям, пришедшим с мороза, она не может предложить горячего чая.

Надо заметить, меня теснота и неуютность ее жилища не смутили. Много раз приходилось мне бывать у пожилых людей, которые привыкли дорожить своими старопрежними, так сказать, вещами, с которыми им трудно было расстаться. А у Марии Васильевны в этих коробках, как я узнал позже, была, говоря фигурально, вся ее жизнь: документы, бумаги, письма, коллекции, фольклорные записи. И все это должно было быть у нее под руками.

Мы сели, а хозяйка продолжала стоять. Августа Николаевна представила меня Марии Васильевне, а сама засобиравшись домой. «Хозяина пора кормить, он же у меня инвалид», – сказала она с сожалением. Видно было, что ей тоже хотелось посидеть и потолковать с нами вместе.

Синодик Николаевской Шубацкой церкви
с поминальной записью рода М. В. Хвалынской.
1771 г. КГИАХМ

С Марией Васильевной мы разговорились сразу. И я вскоре забыл и про тесноту ее комнаты, и про холод, который стал пробираться ко мне в ботинки. Я вздохнул слушал журчащий, как ручеек, ее певучий голос с округлым северным выговором. А говорила она так, словно узоры из кружева плела. Сама невысокая, кругленькая, розовощекая. Лицо совсем молодое, никак не хотелось верить, что ей уже за восемьдесят.

Да и сама она на глазах помолодела, как только начала свой рассказ о частушках. Их Мария Васильевна собирала всю свою долгую жизнь: записывала во время исполнения, переписывала у девушек-односельчанок из их тетрадок и альбомов. Рассказала, что есть у нее и несколько тетрадей с записями других собирателей.

– Частушки я чуть ли не с детства записываю, у нас обычай такой был. В семье нашей почти все песни собирали, – рассказывала она, – и у дедушки, и у папы были книжки с записями. В семье четыре брата и пять сестер, у всех – свои тетради. Брат да

Семья протоиерея Василия Хвалынского. Мария Хвалынская на руках у матушки Вириины.
23.08.1900 г. КГИАХМ

нас пятеро сестер тем же занимались. Да только за жизнь свою я больше всех насобирала.

И хранила Мария Васильевна большую часть этих материалов еще и в своем дровяном сарае. «Неровён час, все это может погибнуть! – говорю я ей. – Мало ли, крыша прохудится либо талой водой зальет». Но Хвалынская меня утешала: «Не беспокойтесь о моих тетрадках, я надежно их упрятала, вода не заберет».

По моей настоятельной просьбе стала она разбирать свой архив: среди почтовых ящиков и картонных коробок, связок старых книг и пожелтевших газет находила она свои старые записи. Выяснилось, что некоторые из них все же пострадали от сырости.

После той первой встречи с Марией Васильевной я, ничуть не раздумывая, еще раз поехал на Север – теперь уже весной, чтобы более основательно ознакомиться с находками М. В. Хвалынской.

– Как это не поленились Вы ради старых моих тетрадок приехать за тысячу километров?

Мария Васильевна улыбнулась, и глаза ее – серо-голубые, с лукавинкой в уголках – повеселели: «А я все еще записываю фольклор. Вот вчера удачно поохотилась – тридцать частушек записала! Глядишь, скоро еще одну тетрадь кончу. А пишу всюду: и дома, и в гостях, и в дороге. Хотите, прочитаю из тех, давних записей, что из сарая принесла?».

И, не дожидаясь моего ответа, взяла со стола старую тетрадь:

*Хорошо было влюбляться
Осенью у прялочки,
Тошно было расставаться,
Как пошел на барочки.*

*Кабы я была богата,
Содержала бы дружка,
Не спускала бы на барки –
Тяжела работушка.*

*Ты, машина, не свищи,
Парохода не ищи,
На пароходе милушка –
Не раздави, машинушка.*

*Дорогого проводила
И стою у пристани,
Слезы капали в реку,
Когда свисточки свистнули.*

«По всему видно, что частушки эти родились в краю, где основным был водный транспорт с пароходами и баржами, – стал рассуждать я вслух. – Железная дорога где-то далеко, а реки, озера и канал – главные водные дороги Русского Севера».

– Да это же белозерские частушки, – с улыбкой сказала она. – Волго-Балтийский водный путь здесь с Петровских времен строился! А частушки эти о тяжелом труде молодых парней, которым на всю навигацию приходилось расставаться со своими невестами и уходить в плавание.

Не все деятели культуры приняли частушку, когда широко она стала бытовать в народной среде. Профессор Московской Духовной академии, священник, богослов, религиозный философ, ученый и поэт Павел Александрович Флоренский выпустил в 1914 г. сборник частушек, собранных им в Костромской губернии. Как поэт-символист, он считал, что частушка не уступает по своей изысканности стихам его современников – известных российских поэтов К. Бальмонта и В. Брюсова. Он сравнивал русскую частушку с малыми жанрами фольклора и литературы Японии, Испании и Китая. Флоренский отмечал, что она соответствует «мирской, текучей стихии народной жизни и поэтому принадлежит молодежи». И замечает еще, что частушка «по массовости распространения не имеет себе равных» (Флоренский 1909).

В то же время великий русский певец Федор Иванович Шаляпин писал о частушке иначе: «Народ, который страдал в темных глубинах жизни, пел страдальческие и до отчаяния веселые песни. Что случилось с ним, что он песни эти забыл и запел частушку, эту удручающую, эту невыносимую и бездарную пошлость? Стало ли ему лучше жить на белом свете или же, наоборот, он потерял всякую надежду на лучшее и застрял в промежутке между надеждой и отчаянием... эта частушка – не песня, а сорбка, и даже не натуральная, а похабно озорником раскрашенная» (Белов 1982).

Мария Васильевна мужских озорных частушек не записывала. Она старалась записывать высокие образцы народного поэтического творчества. Собирательница продолжала мне рассказывать, что прежде многие девчата имели тетради со своими любимыми частушками, как переписывали их друг у друга и как исписанные листы украшали нехитрыми узорами из цветов и трав. В собрании самой Марии Васильевны сохранились фрагменты из таких рукописных сборников, а три девичьих альбома – целиком.

Наиболее интересными и самыми старыми оказались тетради Д. Н. Никитина, учителя младших классов, работавшего в Белозерском уезде Вологодской губернии. Датированы они 1888–1890-ми годами и содержат более четырехсот частушек. Сам Дмитрий Никитич умер в 1937 г. в глубокой старости, а все сохранившиеся после него записи и бумаги, кроме этих двух тетрадей, погибли.

Мария Васильевна берет со стола картонную коробочку из-под вафель, достает старые пожелтевшие от времени фотографии, приклеенные на картонное паспарту, показывает мне. На фото в кругу семьи русоволосая девушка в строгом гимназическом платье с белым отложным воротничком. «Такой я была в 1916 году, когда закончила восьмилетнюю женскую гимназию в городке Кириллове, – поясняет она. – А потом преподавала в начальных классах в сельской школе. После революции школы эти прозвали “ударными”. В каждом классе училось чуть ли не по пятьдесят человек, за одной партой сидели и стар и млад».

А вот Мария Хвалынская на съезде сельских учителей Кирилловского уезда. На обороте фотографии карандашом записаны слова Ленина: «Мы поставим учителя на такой пьедестал, на котором он еще никогда не стоял». Она вспоминает: «Прекрасной была наша молодость!.. В разных волостях, в разных сельских школах учила».

– А почему в разных? – спрашиваю я ее.

– Пока учительствовала, три десятка «квартир» сменила. – И она начала свой рассказ о том, что тяжело было ей вспоминать. – Папа был священником. В Хотеновской волости, что на озере Лаче, храм построил. Народ его любил. Настоящим духовным отцом был. Грянула революция 1917 года, священников записали в «контрреволюционеры».

Священномученик иерей Василий Хвалынский.
23.08.1900 г. КГИАХМ

Молодежь северной деревни.
Начало XX в. КГИАХМ

Сколько незаслуженных унижений и оскорблений выпало и на его долю, и на долю всей нашей семьи. Закрывали и рушили храмы, жгли иконы и церковные книги. И мне, и братьям, и сестрам пришлось идти скитаться по белу свету. С 1918-го мы, как дети священника, были лишены всех гражданских прав.

Потом мы долго с ней молчали. Да, не баловала судьба М. В. Хвалынскую, но и не надломилась ее душа, не растеряла она с годами своего природного жизнелюбия.

– А еще я три сада за свою жизнь посадила, – продолжала она свой рассказ. – Два, когда была сельской учительницей, а третий – когда вышла на пенсию и поселилась в Каргополе, в доме дяди, бывшего священника. У меня ведь и дедушка тоже был священником... Но от этого последнего сада, посаженного мною, уцелела лишь одна яблонька, что растет теперь под моим окном.

Жила Мария Васильевна на краю города, невдалеке от погоста. Дом ее принадлежал прежде дяде – священнику о. Александру Посадскову. Тогда в городе было много ссыльных из известного «Карглага». Одних священников было двести человек, да еще два архиерея.

За «контрреволюционную агитацию» в Каргополь был сослан из Воронежа на поселение и Петр Михайлович Обыденный. Человек высокообразованный, он окончил гимназию, учился в Киевском университете. В 1916–1918 гг. служил в армии. Работал сельским учителем, женился на до-

чери уважаемого в округе священника. Жена пела в церковном хоре, ее брат служил священником, а Петр Михайлович управлял хором. Виной его было то, что «при общении с людьми он позволял себе высказывать неудовольствие по поводу тяжелого экономического положения народа». Вот за это «позволил себе» он был осужден на пять лет ссылки.

Три года прожил П. М. Обыденный вместе с двумя ссыльными священниками в маленькой холодной комнатке без печи. И это при студеных-то северных зимах. Первые месяцы ссылки перебивался он скудными посылками из воронежской деревни Нелжа, от жившей почти впроголодь семьи (жены, двух сыночков и доченьки, другая девочка умерла от голода), а также посылками от родственников, случайными подаяниями и заработками. Потом он становится сперва певчим, а затем и регентом – управляет церковным хором в городской церкви.

Дядя Марии Васильевны, отец Александр Посадсков, пожалел скромного и трудолюбивого П. М. Обыденного и разрешил ему поселиться у себя в доме. Мария Васильевна познакомилась с дядиным постояльцем в 1936 г. Живя в Белозерске, переписывалась с ним. А через год «за контрреволюционную агитацию» тройкой НКВД Обыденный был приговорен уже к десяти годам лишения свободы и конвоирован в Усть-Вымский лагерь Коми АССР. Свой архив, состоящий из семейной переписки и документов, он доверил батюшке Александру.

А сохраняла его полстолетия своей жизни Мария Васильевна Хвалынская. Она и передала архив П. М. Обыденного мне.

Неоднократно письма из этого архива с 1997 по 2002 г. я публиковал и в журналах, и в сборниках Российской академии наук. За это время был составлен сборник, найдены родственники Петра Михайловича и семейные фотографии. А его младший сын Ю. П. Обыденный написал для будущей книги послесловие.

В 2012 г. книга «Сокровище благих...» Северный край, до востребования. П. М. Обыденному. Повествование в письмах» увидела свет (Дурасов 2012). А сам архив был передан на хранение в Каргопольский историко-архитектурный и художественный музей. Вот такие и многие другие документы и свидетельства хранила М. В. Хвалынская у себя в доме.

А еще было у нее много духовных книг. Несколько раз давала она мне полные духовные собрания сочинений русских архиереев. Книги эти были в тетрадках, прошитых полуистлевшими нитками. Я их отдавал в переплет и впоследствии передал в библиотеку Свято-Троицкого Болдина монастыря.

В 1990-х годах несколько раз обращалось ко мне с просьбой издательство московского Данилова монастыря. Они издавали книги репринтным способом, а для этого их надо было расшивять и сканировать. Государственные библиотеки этого не решали, а я не мог отказать. И так монастырь переиздал несколько сохраненных Марией Васильевной книг тиражами от 50 и до 100 тысяч экземпляров. Одна из них «В дар Христу. Воспоминания о юрдовской монахини Асенефе Клементьевой», написанная епископом Неофитом, стала моей любимой книгой.

Семья о. Василия Хвалынского около дома настоятеля Шубацкого храма.
Около 1910 г. КГИАХМ

Мария Хвалынская (справа) с подругой – учащиеся
Кирилловской женской гимназии.
Новгородская губ., г. Кириллов. 1912 г. КГИАХМ

... А Мария Васильевна во время моей встречи с ней вспоминала и рассказывала: «В тетрадях записывала я и наблюдения за природой. Первые такие записи появились еще в юности. Свой дневник вел мой дедушка, затем папа, а теперь продолжаю я. Записываю погоду, температуру, время цветения, когда что поспекает. Тридцать лет была фенологом – наблюдателем Череповецкой природоведческой станции...».

Я сказал Марии Васильевне, что собираю материал для книги о Каргополе. «Была у меня рукописная «История города Каргополя», – говорит она. «Так где же эта книга?», – спрашиваю я ее. Мария Васильевна рассказала, что в их городе жила краевед К. П. Коренева. И ее также интересовала история родного города. Однажды Мария Васильевна проговорила ей, что у нее есть рукописная книга о Каргополе. Клавдия Петровна стала упрашивать М. В. Хвалынскую хотя бы на денек дать ей почитать эту «Историю». Да так слезно просила, что Мария Васильевна не смогла отказать. И больше этой книги она не видывала. Ходила к Клавдии Петровне, да слышала в ответ: «Эта книга теперь мне самой нужна».

Правда, несколько лет спустя след этой книги отыскался. Известный исследователь архитектуры Г. В. Алфёрова в своей книге «Каргополь и Каргополье» написала: «Автор благодарит... (перечисляется много имен. – Г. Д.) каргопольского краеведа К. П. Кореневу, подарившую автору свою рукопись о церквях Каргополя». Была ли эта рукопись той самой, полученной от М. В. Хвалынской, мне не известно.

Зато Гали Владимировна Алфёрова рассказывала однажды Хвалынской недавно произошедшую в Каргополе историю. В конце 1960-х – самом начале 1970-х годов она занималась изучением архитектурных памятников Каргопольского района Архангельской области. По результатам ее исследований было принято решение воссоздать гибнущую Успенскую церковь 1707 г. в Александро-Ошевенском монастыре. А в районе тогда проводилась «борьба с религией». В бывшей Ошевенской слободе, где стоял полуразрушенный безбожниками древний монастырь, было решено уничтожить на погосте все надгробные кресты. И их начали спиливать и бросать в протекающую здесь же речку Чурьегу.

Церковь Рождества Богородицы в Хотеново,
отстроенная о. Василием Хвалынским
и освященная в 1906 г. КГИАХМ

Съезд сельских учителей Кирилловского у. М. В. Хвалынская сидит четвертая слева в первом ряду.
1920-е годы. КГИАХМ

«Раньше язычники гнали христиан, а теперь христиане уничтожают кресты на могилах своих родственников», – пыталась возразить Алфёрова. Ходила она и в исполком, и к первому секретарю райкома партии, да только кто ее мог тогда услышать.

И решила она позвонить в самый известный, выходивший миллионными тиражами юмористический журнал «Крокодил». Рассказала, как эта «борьба с православием» только укрепляет у местных жителей веру и бережное отношение «к отеческим гробам». Главным редактором было принято решение направить в город Каргополь специально-го корреспондента журнала.

Тот прибыл в Каргополь в полдень, в воскресный день. В маленькой гостиничке оплатил койку. В городской столовой скромно отобедал и пошел знакомиться с городом. Обошел его за час. Из присутственных учреждений был открыт маленький уездный музейчик да дивный белокаменный, с резным узорочьем Божий храм.

Кто-то «вычислил» в храме приезжего командировочного и сообщил куда следует. На утро он был приглашен в райком, на прием к первому секретарю. И лишь заикнулся про «борьбу с религией» и про спиленные на ошевенских могилах кресты, как самый главный в городе партиец и слушать его не стал. Указал на дверь: «Идите к своим попам!». А вслед за корреспондентом пошло в редакцию журнала грозное письмо, что в Каргополе тот ходил на богослужение.

– Сложные здесь люди, – говорила М. В. Хвалынская. – Одно время была в храме казначеем. И вот вскрываем однажды церковную кружку, а там три золотых червонца с царем Николаем II. Несу сдавать находку в отделение Госбанка. И кассир выдает мне взамен три бумажных десятки с Лениным. А попробуй возразить, загонят куда Макар телят не гонял.

... На дворе уже сутемки. Синь грядущей ночи разлилась по узким каргопольским улочкам с деревянными тротуарами и одноэтажными домами, занесенными долгими северными снегами. Хозяйка задернула на окнах занавески, включила свою лампу без абажура. На столе – стопки опавших, полуистлевших от времени страниц, исписанных бисерным почерком собирательницы:

*Возьму узду, пойду за конями
В малиновый лесок,
Услышу Карюшка звоночек,
Илюшин голосок.*

*Не глядите на меня,
Глядите-ко на серьги,
Мне миленочек купил
На свои на деньги!*

*Паренину¹ боронила
Рыжку за повод водила;
Батюшко, Рыжанушко,
У меня милой Иванушко!*

«Проговорили мы долго, а старому человеку пора уже и отдохнуть», – подумал я и засобирился уходить. Мария Васильевна вызвалась проводить меня до крылечка. На мои уговоры, что сам-де найду дверь, она, весело улыбаясь, сказала: «Гостя надо провожать. Худого, чтоб не украл, хорошего, чтоб не упал». И мы рассмеялись с ней вместе.

Прощаясь с М. В. Хвалынской, я рассказал, что на следующий день должен буду фотографировать экспонаты музея для каргопольского альбома. И что работать придется до и после обеда. «А Вы приходите ко мне в обед чай пить», – пригласила она.

Так я и сделал. Прихожу к старушке чайку попить, а у нее стол разобран, заварной чайник, сахарница и чашки стоят на белой скатерти! Приглашает

захожу вечером 22 марта 1976 года к ней. А она таинственно снимает салфетку с тарелки, а на ней прежде невиданное мною кружево из теста. Да такое, о котором ни в одном из научных изданий я не читал.

На минуту я замер от неожиданности, а потом стал расспрашивать. Оказалось, что испекла эту «тетёрку» ее соседка со второго этажа. (Прежде жила она в Ошевенске, что в 55 километрах от Каргополя.)

Бегом по лестнице поднимаюсь к старушке-соседке и выпрашиваю, что это за чудо она испекла. И та поведала мне, что и по сей день в Ошевенской волости пекут тетёрки ко дню весеннего равноденствия. Так же, как «жаворонков» пекли старухи в Центральной России. Да и в московских булочных

Аттестат М. В. Хвалынской
на звание учителя начальной школы.
1938 г. КГИАХМ

Сельская учительница
Мария Васильевна Хвалынская.
1938 г. КГИАХМ

раздеваться и к столу. Сажусь на стул, а рядом большое ведро. Торжественно открывает она крышку, а в ведре этом полным-полно ватрушек и кренделей, пирогов подовых и печеных, наливок и калиток. «Вот, угощайтесь! Попросила в кулинарии для Вас напечь. Дурасов, говорю, придет ко мне на чай».

Мария Васильевна всегда старалась чем-то помочь в моей работе над книгой о Каргополе. И вот

тоже можно было купить «жаворонка» с глазками из изюминок.

На следующее утро я помчался в Ошевенск, а там и в древнюю деревню Гарь. Познакомился с местными мастерицами и получил приглашение приехать на следующий год загодя, чтобы все записать и описать. Так с помощью М. В. Хвалынской было сделано одно из моих открытий.

... Частушки из собрания Марии Васильевны вроде бы и замкнуты каждая в самой себе, но все вместе они – словно большая песнь о жизни: о радостях и печалях, о надежде, любви и верности. И, кажется, ни одной случайной строки. Может, потому что это фольклорное богатство именно региона Русского Севера. И сошлись-то все эти частушки из соседних деревень, архангельских, вологодских и новгородских, куда М. В. Хвалынскую забрасывала жизнь. Пришлось ей учительствовать во многих сельских школах. За долгие годы сколько человеческих судеб узнала, сколько «песенниц» переслушала! И от каждой записывала Мария Васильевна в свои тетради все новые и новые частушки о минувшей и современной ей деревенской жизни. Так что собрание ее, как и сама жизнь, тесно были связаны с родной северной деревней, с ее одаренными природным умом и житейским опытом радушными людьми. И скопилось ни много ни мало около восьми тысяч частушек! И это несмотря на то, что лет сорок тому назад погибли ее первые записи, что смолodu хранила, – всего было бы тысяч четырнадцать! И не рассчитывала она за эту многолетнюю работу получить когда-либо похвалу или благодарность, зато оговоров и насмешек вытерпела немало. Один ее бывший начальник спросил как-то:

– Долго ли еще собираешься песни-то писать?

– До гробовой доски! – отвечала ему Мария Васильевна.

Так и случилось. И прожила она свою полную лишений долгую жизнь в девяносто два года, делая

М. В. Хвалынская в народном костюме своей мамы.
Фото Г. П. Дурасова, 1980 г.

М. В. Хвалынская у портрета
работы художника Н. С. Морозова.
Фото Г. П. Дурасова, 1980 г. КГИАХМ

добрые, прекрасные дела: учила детей, собирала северный фольклор и растила на земле сады.

– Стою однажды на пристани, – вновь вспоминает она, – жду парохода до Хотеново. Слышу, девушка частушку вполголоса поет:

*Прощайте горы-косогоры,
Каргопольский весь народ,
Прощай, милый ягодиночка,
Сажусь на пароход.*

– А у меня такой не было, – вспоминая, рассказывает Мария Васильевна.

– А Вы помнили все частушки, которые записали? – спрашиваю я удивленно.

– Конечно, помню, – с улыбкой отвечает она. Помолчала чуток, посмотрела на меня многозначительно и произнесла с каким-то особенным чувством: «Я ведь все русское люблю... Люблю все русское!».

От разных людей пришли к ней частушки. Одних встречала в дороге и не успевала даже при прощании спросить имени и фамилии, лишь отмечала место и день записи. Других знала на протяжении многих лет жизни. К такой певунье, знакомой М. В. Хвалынской с 1947 года, я и направился в тот вечер.

Прасковье Владимировне Ботутиной тогда было за семьдесят, но и до той самой нашей встречи память ее хранила сотни частушек и множество «долгих» старинных песен.

– Сама-то я, хоть и стара, да душа молода, оттого и пою, – говорит она. – Мы со старухами и сейчас бы спели, где хошь – и в клубе, и на свадьбе. А что? Песни наши красивые, душевные! Да только не всяк понимает их. А молодые к тому ж надсмехаются, и рот не успеешь отворить, а тебе: «Гли-ко, старуха, а всё песни на уме». Посуди сам, коль не станем мы петь, дак и забудется старинное. А таких песен, как наши, больше не сочинить, душонки стали мелковаты.

Жизнь у Прасковьи Владимировны сложилась нелегкая: в тринадцать лет осиротела она. С мачехой житье было тяжелое. Горе в песнях выплакивала:

*Пойду к маме на могилу,
Клубком покатаюсь,
Родную маму разбуджу,
На батюшку нажалюсь.*

*Спишь ты, спишь, моя родная,
Спишь в земле сырой,
Я пришла к твоей могиле
С горем и тоской.*

*Твой-то муж, а нам отец
Стал совсем чужим:
Взял мамашеньку другую,
Нас совсем забыл.*

– Одна лишь отрада – деревенские гулянки, – рассказывала она. – Родная моя деревня Гусево была совсем небольшой, всего семнадцать дворов. Молодежь откупала у одной старушки на зиму избу для бесед² и каждый вечер сходилась туда. Здесь кто куделю пряд, кто *исподки*³ вязал, а парни без дела хаживали. Вместе и пели, и *кадриль*⁴ водили. Балалаечник у нас на всю деревню лишь один был, да и тот часто *куражился*⁵. А с гармонью из соседней деревни ребята приходили редко. Что поделаешь – под свои песни и плясали. Так на беседах выучилась я коротким да долгим песням. А еще училась у одного старичка из нашей деревни. Он пел, а я слушала и перенимала. Другие старики над ним начнут подсмеиваться, тогда уйдет он в поле, там и поет старопрежнее. Любила и я в поле петь, голос-то был самолучший, далеко слышно. Пела все больше на вечерней заре, а на соседней полоске, на своей позже, двоюродные братья работали – пять парней, все один к одному: статные и голоса певучие. Уж как затянут вместе, слушаешь – любо-дорого... А взамуж пошла, тут и голос мой осекся. Четыре

года ходила я с одним парнем, слюбились мы с ним. А потом и к венчанью снарядились. Да только счастье было недолгим: приключилась у моего родного сухота в теле. Вскоре он и помёр. Схоронила его, любовь свою, и словно ушла с ним навек моя молодость. Осталась я вдовой 23-х лет от роду с малой дочкой на руках. Слезами умывалась, и опять горе мое на песни переложилось:

*Схоронила милого
Да мужа я любимого,
Свою молодость-красу
Пойду на кладбище снесу.*

*Схоронила мил дружка
На кладбище у полюшка;
Вы поверьте, добры люди,
Сколько у меня горюшка.*

«И пришлось мне теперь самой отвечать за все мужское дело: пахала я, боронила, сенокосила. Ворочу всю мужичью работу, словно медведица, а свекровушка да золовка Ольгуха сидят у окна и чай из самовара хлебуют.

*Много горюшка у вдовушки —
Не все во горе жить,
Половину надо горюшка
На песни положить.*

Посватал меня вдовец из нашей деревни, а был он на 26 лет меня старше. Уж я думала, рехнулся он, в отцы ведь годится. Ладила его отвадить, да люди заговаривали: «И руки у него золотые, и вина не пьет, и табаку не курит...». Как уж я страдала, как плакала по ночам. А лишь заусну, все милый мой муж снится. Семь лет так вдовицей прожила, а потом не выдюжила, согласилась... И сгубила всю свою жизнь. Новый муж был ревнив, грозен. Убежать бы от него хоть куда, да не видала я свету в окошке, кроме своей деревни, и родителей жалела, не хотела навлекать славу напрасную. Вот и терпела:

*Не ходите, девки, взамуж,
Как моя головушка,
Лучше в море утопиться –
Не терпеть бы горюшка.*

А потом еще беда навалилась – дом сгорел. Пришлось тогда в Каргополь на жительство перебираться... И голод, и холод перенесла. За жизнь четырех детишек накопила, а в работе все от молодых не отставала. И не успела заметить, как старухой стала. Давно повырастали мои дети, разлетелись в дальние города. И мужа уж нет – одна век свой

М. В. Хвалынская.
Фото Г. П. Дурасова, 1980 г.

доживаю. Вроде бы и вся жизнь, как один день, промелькнула. А заведу старую песнь, – что пережито, и припомнится, словно не песню пою, а вновь жизнь проживаю...».

В тот раз возвращался я из Каргополя с тридцатью тетрадами, переданными мне Марией Васильевной Хвалынской. Сюда я приеду еще не раз, чтобы пройти северными трактами в поисках людей, помнящих старые песни, приеду, чтобы еще и еще получить от собирательницы тетради с записями. И так передаст она мне на хранение двести своих тетрадей. И не сразу, а проверяя, в надежные ли руки отдает свои сокровища.

Долго изучал я записи сельской учительницы, краеведа и собирательницы фольклора. И вот однажды написал Марии Васильевне письмо и предложил составить сборник из лучших, собранных ею за полвека частушек Русского Севера. Ждал ответа с нетерпением и, наконец, 5 ноября 1974 года получил от нее удивительное письмо: *«За всю жизнь я не принесла никому пользы. А Вы предлагаете сделать это тысячам людей и еще ждете моего согласия! Уж очень много чести для замухрышки! Если бы я и не согласна, то для пользы дела это надо сделать. Я еще и еще раз повторяю: чем только помочь, я всегда к Вашим услугам. Благословляю на благое дело: в добрый час, во святое времечко! Счастливого пути, доброго здоровья и всякого благополучия. Яркого солнышка, тихого и попутного ветерка, без скрытых в глубине подводных камней и страшных гроз в воздухе. И закончить свой путь в полном здоровье,*

в отличном настроении». И тогда вспомнил я еще раз поговорку, которую эта удивительно скромная, глубоко духовная и умудренная жизненным опытом женщина много раз мне говорила: «Я всю жизнь привыкла по одежке протягивать ножки».

Наконец, все школьные тетради по двенадцать листов с записями частушек собрались у меня дома. Бумага шероховатая, серая, во многих местах записи угасают – видимо, чернила Марии Васильевны приходилось не раз разбавлять. Да и записи сделаны экономно, мелким убористым почерком, простым стальным пером, да к тому же без нажима. Не было у нее тогда привычных нам шариковых или автоматических ручек, которыми пишут с нажимом. А для чтения этих записей я ввернул яркую лампочку и достал большое увеличительное стекло.

Прежде всего я просмотрел несколько опубликованных сборников частушек и советского времени, и дореволюционных. И везде их составители публиковали тексты по областному территориально-географическому и тематическому принципу: полевые работы, семейные отношения, молодежные гулянья – и раскрывали все многообразие русских частушек.

В тетрадках Марии Васильевны никакой систематизации текстов не было. Случалось, что услышит на лету, то и запишет. Именно поэтому прежде необходимо было на каждую из частушек завести свою карточку, в которой отметить, от кого, когда и где она была записана. А тетрадей с записями передо мною лежала целая большая стопка. И в них более восьми тысяч текстов.

При составлении нашего сборника хотелось показать частушку в непосредственной связи с той средой, в которой она родилась и бытовала. А для этой цели я и выбрал сюжетно-смысловой принцип. Он давал возможность прочитать каждую из частушек саму по себе и оценить ее поэтические, литературные достоинства. Но в то же время и представить ее частью большой картины народного быта Севера России. Показать условия, в которых она родилась и бытовала. Нагляднее становился характер авторов и исполнителей частушек. И перед читателем открывалась душа народная, широкая добрая поэтическая русская душа.

Работа над составлением сборника была не из простых. Одних карточек собралось великое множество. Читывал и перечитывал их, отбирая только самое лучшее. Складывал стопками по тематическому принципу: «сиротинушка», «деревенская беседа», «тайное свидание», «рекрута вы, рекрута»... В каждой из стопок ищу развитие своей драматургической темы. Точно так же, как это всегда бывало в русских лирических песнях. На эту работу ушло много месяцев.

Икона священноисповедника
Василия Хвалынского

Потом надо было сделать научный аппарат с указанием, откуда произошла та или иная частушка и поименно: от кого, где и когда была она записана. И уже после этой напряженной работы предстояло написать большую вступительную статью о самой Марии Васильевне, ее семье и собирательской деятельности. И, конечно, о научной значимости самого собрания.

Вся эта работа заняла у меня несколько лет. И когда она подходила к концу, я пригласил Марию Васильевну в Москву, в гости, чтобы она вычитала весь сборник и помогла выверить его научный аппарат.

В Москве пробыла она полтора месяца. В перерывах между работой я как мог старался разнообразить ее «трудовую повинность». С ней ходили мы в храм, знакомил ее и с близкими мне людьми. Однажды пригласила нас в гости Гали Семеновна Маслова, известный ученый-этнограф, доктор исторических наук, лауреат Государственной премии СССР. В 1947–1949 гг. она работала с экспедицией в Каргополье. А в конце 1970-х собирала ма-

териал для своей новой книги «Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в.» (Маслова 1984). И Мария Васильевна стала для нее бесценным информатором. И они сразу нашли общий язык.

Познакомил с Марией Васильевной и главного хранителя Музея древнерусского искусства им. Андрея Рублева В. В. Кириченко. Вадим Васильевич был натурой мятущейся. Несколько лет в одном из храмов он был внештатным чтецом. И вот решил оставить музей и пойти трудиться в церковь, священником или на крайний случай чтецом. Я надеялся, что Мария Васильевна, внучка, дочка и племянница священников, выросшая в старинном духовном роде и хорошо знавшая нелегкую жизнь русского пастыря, убедит моего друга не испытывать судьбу. Но он не услышал ее. А она только и сказала на прощание: «Смотрите, не ошибитесь». И как в воду глядела...

Были у меня два знакомых художника. Это С. А. Зверев и Н. С. Морозов, оба они учились у великого П. Д. Корина. А встретился с ними в 1965 г.

Церковь Рождества Богородицы
в г. Каргополь, в которой трудилась и молилась М. В. Хвалынская.
В ней ее и отпевали. Фото 1886 г. КГИАХМ

на теплоходе. Я проходил плавательскую практику перед тем, как стать штурманом, а они, получив бесплатную каюту, путешествовали на нашем «Нарыне» по каналу Москвы, Волги и Камы и писали этюды. У них-то я учился разбираться в живописи и работать кистью.

Особенно сдружались мы с Николаем Сидоровичем Морозовым, хоть и был он старше меня на двадцать лет. Много раз бывал я у него в мастерской. И однажды предложил ему написать портрет М. В. Хвалынской в народном костюме ее мамы, который в то время хранился у меня дома. Это уже после смерти собирательницы я подарю его в Каргопольский музей.

Николай Сидорович с радостью согласился. Вскоре он приехал с этюдником и большим подрамником, на котором уже был натянута грунтованная холста. Мария Васильевна, переодевшись в расшитую виноградной лозой рубаху, передник и надев сверкающий перламутром и жемчужинами кокошник, села на стул у зашторенного окна. В городе на первом этаже всяк кому не лень невольно посмотрит в окно. А тут такое диво, словно боярыня на виду.

Художник в трех метрах от нее поставил холст, развернул этюдник и начал делать рисунок углем. А я беру фотоаппарат и снимаю, снимаю.

Рисунок для будущего портрета был хорошо проработан. Фигура старушки получилась монументальной, значительной. Как наставлял меня прежде сам Н. С. Морозов, «композиция должна быть такой, чтобы ни убавить, ни прибавить». Как говорил, так и сделал. «Ну, – думаю, – если Николай Сидорович сможет так же, как графику, вытянуть живопись маслом, портрет будет хорошим».

Начало было положено. Художник лаком фиксирует рисунок, а моя мама зовет всех к столу. А по квартире уже поплыл запах лака. За чаем все разомлели, разговорились, а Мария Васильевна стала вспоминать когда-то записанные ею частушки и речитативом пересказывать их.

Так в общей сложности прошло около десяти сеансов часа по два за раз. Мария Васильевна оживленно беседовала с художником, рассказывала ему любопытные истории и обычаи тех мест, где она жила. А на холсте в это время создавался замечательный образ неутомимой собирательницы и хранительницы устного народного творчества.

Работа в предпоследний день подходила к концу, когда к нам в гости приехала внучка маминой сестры. Она закончила университет, училась в аспирантуре, писала диссертацию. Кроме того, была дипломированной виолончелисткой. Молодая, голубоглазая, с длинной косой, она сразу привлекла внимание пятидесятилетнего мастера живописи.

За столом они много и увлеченно разговаривали, как бы забыв про всех нас. Было видно, что такой поворот дела огорчил Марию Васильевну, и за чаем уже не звучал ее певучий говор. А когда на следующий день был очередной и последний сеанс, Мария Васильевна уже сидела молча с какой-то глубокой и невеселой думой на лице. И тут Николай Сидорович, увидев эту перемену, как бы найдя в ее облике что-то совсем иное, начал создавать нечто другое. Он недооценил прежде найденного в рисунке выражения ее глаз... Забыл простую истину: заглянуть в душу – надо увидеть глаза. И если у человека грустные глаза, значит, душа его много страдала. Глаза никогда не скрывают истину.

Через полчаса выражение ее лица на холсте стало совсем иным; оно много потеряло от того, что было прежде, пропал ее тихий и мудрый взор. На холсте было что-то чужое и недоброе.

Портрет остался у нас, и краски на нем подсыхали несколько дней. Из нашей маленькой квартиры скипидарный и лаковый дух долго еще не мог выветриться. Вскоре портрет был выставлен для обозрения на очередной столичной художественной выставке. Товарищи по живописному цеху хвалили автора за «экспрессию и внутреннюю динамику неповторимого образа». Сама же Мария Васильевна, взглянув на портрет на последнем сеансе, только и произнесла: «Он так ничего и не понял...».

Как-то за чаем, когда Мария Васильевна гостила у нас, я рассказал ей следующую историю. В одном из домов села Лядины, в 1972 г., купил я маме небольшой атласный плат. И с какой радостью продавала мне его хозяйка... Но только дома я рассмотрел его и увидел, что на местах сгибов плат истончился и местами протерся. Но мама была человеком бережливым, обрадовалась подарку и только по праздникам надевала его. И так подворачивала плат, что утрат не было видно. Но зато даже и в таком виде на платок все обращали внимание. А ей было дорого, что это подарок сына. В этом платке и кокошнике она и была изображена на портрете.

Посмеялись мы все втроем над неудачной моей покупкой и вроде бы забыли. Да только однажды Мария Васильевна подает мне торжественно атласный плат лазоревого цвета. Он словно был усыпан золотом дивных осенних листьев. «Передайте это маме», – просто сказала она. Я знал, что за время ее пребывания в Москве они с мамой сдружились, к тому же мама тоже сочиняла частушки. Видя мою нерешительность, пояснила, что, когда работала в церкви, купила этот платок. В конце 1950-х – 1960-е годы не только жительницы города, но и женщины из окрестных волостей жертвовали в храм много вышитых полотенец и атласных платов и даже «золотых» с богатым шитьем.

И рассказала Мария Васильевна мне такую историю. «Однажды приехал в Каргополь архиепископ Архангельский и Холмогорский Никон. И дорожку ему выстлали не ковровую, как в иных местах, а из шитых золотом по белому миткалю драгоценных платов. А он был большой знаток и собиратель русской народной вышивки. И увидев эту бесценную ослепительную красоту, попросил старосту и настоятеля продать ему все эти платы. “Что Вы, Ваше высокопреосвященство, все это мы Вам дарим!”».

В церкви всего этого художественного богатства собиралось так много, что решили каждому из этих приношений назначить цену: расшитое узором полотенце шло за десять рублей, платок – за полсотни. И каждый мог себе купить то, что пришлось ему по душе.

И Мария Васильевна купила этот платок не носить, ведь одевалась она всегда очень скромно, по-монашески. А из-за любви к красоте. Но мама тоже никогда его не надевала, жалела. Для нас обоих это была память о нашей общей четырнадцатилетней дружбе с Марией Васильевной Хвалынской.

Через десять лет после Марии Васильевны умерла и мама. И обстоятельства сложились так, что я начал строить на Смоленщине церковь. А деньги на строительство надо было где-то брать. Одних гонораров за изданные книги было мало. Пожертвований тоже было немного. И пришлось расставаться с теми художественными вещами, которые я любил и бережно хранил. И среди них был тот бесценный подарок Марии Васильевны. Решил, что она меня за это не осудила бы, ведь на храм Божий!

Платком я отдал одну женщину, которая дала мне на стройку двести «зелененьких». А та отнесла и подарила плат в величественный московский храм Мартина Исповедника.

Ждали приезда владыки-архиепископа, большого ценителя антиквариата. Платом покрыли стол, на котором стояла записка после причастия. Хватким взглядом владыка издали увидел горящий золотом узор на иссиня-голубом поле платка. «А это заверните для меня», – сказал он настоятелю храма, неотступно следовавшему за ним. Ну да ладно, лучше бы, конечно, в музей, но у владыки он тоже сохраннее будет.

Наша совместная с М. В. Хвалынской работа подходила к концу. Первые два экземпляра рукописи ею были вычитаны, собственноручно подписаны, и мы их отправили в Архангельск, в Северо-Западное книжное издательство.

Рецензентом нашего сборника была известный ученый-фольклорист, доктор исторических наук, профессор Э. В. Померанцева. Она сама много ездил

по российским весям и всюду записывала былички и бывальщины. Работала в Институте этнографии и читала лекции в Московском университете. Студенты ее спрашивали: «Эрна Васильевна, в своей книге “Мифологические персонажи в русском фольклоре” Вы пишете, что столько много нечести ходило-бродило в стародавние времена, куда же вся она девалась в наши дни?». «Вселилась в людей, ведь люди перестали верить в Бога», – невозмутимо ответила она.

В издательстве рукопись была одобрена. Известного московского художника-графика Ю. И. Селиверстова я попросил сделать ее художественное оформление. Даже пригласил его в Каргополь, и он лично познакомился с Марией Васильевной.

В основу художественного оформления сборника он положил узоры вышивки, которой занимались те же молодые девушки, которые пели частушки. В пору, когда они входили в моду, доступными и модными становились нарядные хлопчатобумажные ткани. Они заменяли в быту домотканую льняную холстину. Древние, словно ограненные, вышитые счетными швами узоры сменяются округлыми, свободными и динамичными формами. Они выполняются теперь не счетным «досюльным» двухсторонним швом, а броским и скорым в работе восточным тамбурным. В Каргополье его называли «мышьей тропкой».

Так одновременно в изобразительном народном искусстве разрушались древние канонические формы вышивки, а в устном народном творчестве поэтический строй старинных русских лирических песен заменялся броской частушкой подчас с приблизительной рифмовкой строк. И называются они совсем просто: «коротушки», «набирушки», «пригудки» или «припевки» и «страдания». Такие вот «узорки» и разбежались по страницам нашего сборника.

Северо-Западное издательство включило наш сборник в свой план, и с нами заключили авторские договоры. Тираж – десять тысяч, гонорар по семьдесят копеек за строку на двоих. Да мне еще полагалось триста рублей за вступительную статью и семьдесят пять за научный аппарат. Но разве для нас с Марией Васильевной важен был этот гонорар? Главное, что ее собрание будет введено в научный оборот. И все эти десять тысяч книжек моментально разлетятся во все уголки Русского Севера.

Мария Васильевна решила пожертвовать свой гонорар в храм. Но ремонт там был уже сделан. И тогда предложил я ей сделать вклад иконами, как это было в древности. Для церкви Рождества Богородицы было написано три аналойных образа и переданы в храм. А для церкви Успения Богородицы

в селе Шарапово Московской области были написаны еще три образа: запрестольные «Христос на троне» и «Пресвятая Троица» Рублевского извода да местная икона для главного иконостаса «Успение Пресвятой Богородицы». На каждой из них есть вкладная дарственная запись.

Сборник «Частушки северного края: из собрания М. В. Хвалынской» вышел в архангельском Северо-Западном книжном издательстве в 1983 г. (Дурасов 1983). С его страницы доброй и ясной улыбкой приветствует читателя пожилая женщина в старинном русском народном костюме – собирательница «жемчуга словесного» Мария Васильевна Хвалынская.

Сегодня все ее собрание из двухсот тетрадей и большое количество добрых писем ко мне бережно сохраняются в Каргопольском государственном историко-архитектурном и художественном музее.

Как хоронили Марию Васильевну Хвалынскую

На дворе был март, рабочий день, четверг 1988 г. Я находился на работе, когда мне позвонила около 16.00 из Каргополя Пелагея Тимофеевна Семянникова и сообщила, что Мария Васильевна умерла.

Сказала, что приехала из Красноярска сестра ее Глафира Васильевна Хвалынская и застала сестру еще живой. А накануне Мария Васильевна попросила Пелагею Тимофеевну сходить с ней в сбербанк и снять деньги с книжки, было там, точно не помню, но около 1500 рублей на похороны.

Я отпрашиваясь на работе на пятницу, рассказал, что умерла очень близкая нам старушка и я поеду ее хоронить в Каргополь, за 1000 километров.

Прибегаю домой, а мамы нет, а ключ в этот день я не взял. А поезд уходит в 20.00, и если не успею, то уже не уехать. Но через полчаса я уже быстро собирал вещи в дорогу, бегом до вокзала, чудом и билет купил, и приехал в Каргополь в пятницу накануне похорон.

Остановился я у Пелагеи Тимофеевны, замечательного человека большой души. Она рассказала, что о месте на кладбище, копке могилы, гробе уже договорились. И достала деньги Марии Васильевны. Она просила по скромности похоронить ее в некрашеном гробу, но я нарушил ее просьбу. Все-таки она была человеком, который доверил ее похоронить и назвал меня душеприказчиком. Ее рукописное завещание я передал в музей.

Купил я красивого голубого материала на обивку гроба. И белого, для внутренней отделки. И отправился в столярную мастерскую, где сделали для нее удивительно красивый гроб и пирамидку с крестиком. Расплатился за работу и сообщил, что наутро приеду за гробом.

Пошел в дом Марии Васильевны и познакомился с ее сестрой Глафирой Васильевной. Покойница лежала на столе, на белой скатерти. Выражение ее лица было удивительным, как будто у нее вот-вот состоялась встреча с Богом.

Глафире Васильевне я отчитался в деньгах, и она просила меня самому за все расплачиваться. Вечером сходил в храм и со священником договорился об отпевании усопшей. Потом надо было решить вопрос с поминками, и Прасковья Владимировна Ботугина разрешила отметить поминки у нее дома. Водку по талонам выкупила Пелагея Тимофеевна. А я пошел в кулинарию и заказал много порций блюд, которые можно было купить в Каргополе. Конечно, в основном это были салаты и курица.

С Глафирой Васильевной мы встретились вновь после всех этих дел и обговорили, что на могилу надо будет сделать надгробье и поставить настоящий крест. Она топила печку и жгла бумаги, которых было великое множество. Из музея никто не приходил и не спрашивал про ее архив. Я предложил Глафире Васильевне после похорон собрать все старые семейные фотографии и передать в музей. Какую-то книгу Мария Васильевна приберегла для меня и велела мне отдать. Но мы ее так и не нашли.

По завещанию везти гроб надо было на санях. Таков был древний обычай и просьба, изложенная в завещании. Уж не помню, где я взял на время лощадку, запрягли ее в сани, и я вместо возницы поехал за реку в столярную мастерскую за гробом, а потом с ним в дом Марии Васильевны.

Пришли мужчины, копавшие могилу. Внесли гроб в комнату, поставили на табуретки и переложили «покоенку» на простыне в гроб, держа за углы. Просили налить им водки, но я сказал, что сейчас до похорон не дам, а после и вся водка и закуски – ваши. На том и порешили.

Затем поехали из дома в храм, за гробом шло несколько человек. Внесли в храм гроб, крышку поставили на паперти. Купил всем свечи, заплатил за отпевание. В храм собрался народ, знавший Марию Васильевну, подошел батюшка и проникновенно, с большим чувством отпел ее. Ведь она одно время трудилась в храме казначеем. В храме же попрощались с усопшей и забили крышку. Священник, когда посыпает земельку в гроб крестообразно, произносит: «До второго пришествия предается тело земле».

Под заунывный колокольный перезвон вынесли гроб и направились на погост. Я был за возницу. Скорбная процессия с людьми, шедшими за гробом, проследовала по бывшей Шелковне, а теперь улице Юрия Гагарина, мимо места, где стоял дом ее дяди-священника Александра Посадкова и был ее сад, мимо двухэтажного брусового дома, на первом этаже которого она жила.

Помню, когда возвратился вечером из Ошевенска 23 марта 1977 г. (в деревне Гарь снимал процесс изготовления и выпечки тетёрок), Мария Васильевна встретила меня со слезами на глазах. «Мимо моих окон на погост Ульянушку свезли. Три человека шло за гробом». Это она говорила о похоронах Ульяны Ивановны Бабкиной, выдающегося народного мастера Каргополья. А сегодня тем же путем мы провожали в последний путь замечательную народную учительницу, члена династии – семьи священников, неутомимую собирательницу фольклора Русского Севера Марию Васильевну Хвалынскую.

Могила была выкопана. На улице был легкий-легкий морозец. Снег сверкал на солнышке. Повеяло весной. И какой-то скорби и рыданий не было, на душе была легкость и даже радость.

Шутка ли, у Марии Васильевны и отец, и дед, и дядя были священниками, а отец вообще был священноисповедником и священномучеником, каких причисляют к лику святых. А Мария была любимой его дочкой. Они могли и вымолить это благодатное чувство на похоронах Марии Васильевны.

После погребения всех пригласили помянуть усопшую рабу Божию Марию. Стол был накрыт, все остались довольны угощением. А мужики водкой. Расплатился и с ними за помощь. И после пошел с Пелагеей Тимофеевной на ее квартиру.

Достал деньги, которые остались от «гробовых», посчитал. Осталось рублей 600–700. Половину вручил Пелагее Тимофеевне подавать на помин души в Каргополе и на сорокоусты. На другую половину заказал долгосрочный помин в Троице-Сергиевой лавре и московских церквях. По заведенному обычаю надо подать в семи местах.

В музей я подарил кожаный чемоданчик, в котором Мария Васильевна хранила свои записи. Директор музея Лидия Ивановна, которая была на погребении, попросила какие-нибудь записи. Я пообещал, что в музей передам все ее записи и письма. И впоследствии все и подарил.

И еще раз пошел к Глафире Васильевне обговорить установку надгробия на могиле Марии Васильевны. А Глафира Васильевна обещала помочь деньгами.

В Каргополе нашелся добрый человек, который согласился обустроить могилу. Первое – поставить настоящий крест и оградку, а потом мраморную доску и основание для нее. Эскиз доски сделала замечательная художница, иконописица и искусствовед Кира Георгиевна Тихомирова. Нашел в Москве мастера, который замечательно, глубокой резьбой сделал узорочье и надпись на мраморе голубого богородичного цвета. Потом свез эту доску и расплатился с добрым исполнителем, как договаривались. Вот это самое основное.

12 мая 2021 г.

Примечания

¹ Паренина – паровое поле, пашня, оставленная без посевов.

² На Севере – вечеринка, на которой присутствуют парни и девушки.

³ Варезки.

⁴ Танец с четным количеством танцующих пар, располагающихся одна против другой.

⁵ Здесь – ломался.

Источники и материалы

КГИАХМ – Каргопольский государственный историко-архитектурный и художественный музей.

Научная литература

Белов В. И. Частушки // Белов В. И. Лад. Очерки народной эстетики. М.: Молодая гвардия, 1982.

Дурасов Г. П. (сост.). Частушки северного края: из собрания М. В. Хвалынской. Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1983.

Дурасов Г. П. «Сокровище благих...». Северный край, до востребования. П. М. Обыденному. Повествование в письмах. Изд-во «Народный музей схимонахини Макарии», 2012.

Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М.: Наука, 1984.

Флоренский П. А. Несколько замечаний к Собранию частушек Костромской губернии Нерехтского уезда // Флоренский П. А. Собрание частушек Костромской губернии Нерехтского уезда. Кострома: Издание Костромской Губернской Ученой Комиссии, 1909.

References

- Belov, V. I. 1982. Chastushki [Ditties]. In *Lad. Ocherki narodnoi estetiki* [Lad. Essays on folk aesthetics], by V. I. Belov. Moscow: Molodaia gvardiia.
- Durasov, G. P. 2012. «Sokrovishche blagikh...». *Severnyi krai, do vostrebovaniia. P. M. Obydennomu. Povestvovanie v pis'makh* [«Treasury of the good...». Northern Territory, on demand. P. M. Ordinary. Narrative in letters]. Temkino: Izdatel'stvo «Narodnyi muzei skhimonakhini Makarii».
- Durasov, G. P., ed. 1983. *Chastushki severnogo kraia: iz sobraniia M. V. Khvalynskoi* [Chastushki of the northern region: from the collection of M. V. Khvalynskaya]. Arkhangel'sk: Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Florenskii, P. A. 1909. Neskol'ko zamechaniy k Sobraniu chastushek Kostromskoi gubernii Nerekhtskogo uezda [A few comments on the Collection of ditties of the Kostroma province of the Nerekhta district]. In *Sobranie chastushek Kostromskoi gubernii Nerekhtskogo uezda* [Collection of ditties of the Kostroma province of the Nerekhta district]. Kostroma: Izdanie Kostromskoi Gubernskoi Uchenoi Komissii.
- Maslova, G. S. 1984. *Narodnaia odezhda v vostochnoslavianskikh traditsionnykh obychaiakh i obriadakh XIX – nachala XX v.* [Folk clothes in East Slavic traditional customs and rituals of the 19th – early 20th centuries]. Moscow: Nauka.

«I LOVE EVERYTHING RUSSIAN!..»:
COLLECTOR OF NORTHERN RUSSIAN FOLKLORE
MARIA VASILEVNA KHALYNSKAYA

Abstract. The essay is dedicated to the memory of M. V. Khvalynskaya, a collector of northern Russian folklore, with whom the author was associated for many years of creative communication. The text includes a biography of the folk collector of ditties, describes her creative path, examines her research laboratory, the motivation for her actions, provides examples of folklore material that seemed important and demonstrative to the author of the essay. Also noted is such an important characteristic of the researcher M.V. Khvalynskaya as her love for her people, Russian folk culture, folklore tradition; a careful and conscious attitude to the work that she carried out not professionally, but with all care, perseverance and attention for a long time.

Key words: North Russian folklore, ditty, folklore collector, M. V. Khvalynskaya, Russian folk culture, tradition.

